УДК 327(4)

ГЕЛЛА Т.Н.

Европейская идентичность в контексте общей внешней политики и политики безопасности Европы

Статья посвящена проблеме формирования европейской идентичности в рамках ЕС и значения ее для европейской общей внешней политики и политики безопасности. Основной акцент в статье сделан на анализе современного состояния процесса складывания различных аспектов единой европейской общности на социокультурном уровне.

Ключевые слова: общая внешняя политика, политика безопасности, национальная идентичность, европейская идентичность, национальный менталитет, европейская культура.

Образование Европейского союза – это своеобразный ответ на послевоенное устройство мира. Он создавался с целью получить систему взаимозависимостей, исключающую войну в Европе. В научной литературе ЕС рассматривается, с одной стороны, как международная организация, с другой – как наднациональное объединение. Для Европы интеграционные процессы как в прошлом, так и в настоящем имели и имеют первостепенное значение. При этом вопросы внешней политики и политики безопасности являлись краеугольным камнем европейской интеграции, особенно ее политической составляющей, на протяжении всей ее истории. Однако процесс политической интеграции осложняется тем, что ЕС претендует на формирование так называемой общеевропейской идентичности, на основе которой планирует строить не только общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ), но и всю европейскую политику в целом. Проблемы, связанные с общеевропейской идентичностью, наиболее ярко проявились именно в сфере ОВПБ[1], а также европейской политики безопасности и обороны, переименованной Лиссабонским договором в Общую политику безопасности и обороны.

Сегодня Евросоюз, состоящий из 27 членов, отличается высокой степенью гетерогенности и противоречивости. Причем базовым для него является противоречие между формируемой общеевропейской идентичностью, которая позволит говорить о ЕС как о более или менее едином политическом акторе, и постоянными претензиями государств-членов на поддержание и укрепление собственной идентичности. В сфере ОВПБ это противоречие проявляется в конфликте наднациональной и национальной политики. С одной стороны, ОВПБ призвана служить одной из опор наднациональной структуры и, соответственно, должна носить надгосударственный характер не только в теории, но и на практике. С другой стороны, некоторые государства–члены ЕС, продолжая оказывать решающее влияние на формирование Общей политики безопасности и обороны, исходят в первую очередь из своей национальной идентичности и ориентируются в международных внешнеполитических вопросах и вопросах безопасности на США и НАТО[2] .

Проблема сочетания национальной идентичности, национальной политики, национальных интересов с общеевропейской политикой, основанной на базовых общеевропейских ценностях, является на сегодня одной из остро обсуждаемых и далеко не решенной. Национальная политика относится к теоретическим и актуальным практи-

ческим проблемам современности. Это сложное явление, охватывающее все сферы жизни общества. Она имеет и относительную самостоятельность как система мер, осуществляемых государством, направленных на учет и реализацию национальных интересов. Государственная национальная политика включает стратегические задачи жизнедеятельности государства, это политика осуществления интересов всей нации. Именно так это принято понимать во всем мире. Главной задачей государственной национальной политики является согласование интересов всех проживающих в стране народов, обеспечение правовой и материальной основы для их развития на основе их добровольного, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Учет этнонациональных особенностей в жизни социума должен осуществляться в границах соблюдения прав человека[3]. Но, как заметил видный французский государственный деятель Юбер Ведрин, «народы стремятся не к слиянию и лишению демократической власти, они желают, чтобы Европа защищала их интересы в многополярной потасовке»[4]. Европейцы хотят видеть мировой порядок многополярным, основанным на многостороннем сотрудничестве, в котором ЕС будет одним из центральных игроков. Для европейцев это своего рода задача-максимум, для решения которой и нужны, по мнению ряда европейских государственных деятелей, общая политическая воля государств–членов ЕС, тесное взаимодействие европейских институтов, поддержка европейских граждан. Складывание общей европейской идентичности приобретает в этом ракурсе одно из первостепенных звучаний. Однако этот процесс идет достаточно медленно, порождая подчас новые проблемы.

В июне 1984 г. на саммите в Фонтенбло главы государств Европейского Сообщества приняли решение поставить в практическую плоскость формирование у граждан своих стран общей европейской идентичности. За прошедшие годы предпринято немало конкретных шагов, призванных способствовать достижению этой цели. Были учреждены такие символы единой Европы, как флаг, гимн, общий праздник «Дня Европы». Жители стран, присоединившихся к Шенгенскому соглашению, стали пользоваться безвизовым режимом. Была введена единая европейская валюта. Жителям стран Евросоюза был предоставлен статус «гражданина Союза», учреждены единые общеевропейские водительские права и многое другое[5]. Существует единый рынок, увенчанный – по крайней мере, для большинства членов ЕС – единой валютой, есть конституционные договоренности. Есть амбициозные планы по общей внешней политике и политике безопасности и т.д.[6]. Однако надежды поборников европейской интеграции остаются далекими от воплощения.

Безусловно, формирование коллективной европейской идентичности, предполагающее глубокие изменения в общественном сознании, является длительным процессом. Необходимо иметь в виду, что идеи создания общей идентичности у 450 миллионов граждан, населяющих несколько десятков европейских стран с разной историей, культурой, традициями, уровнем и образом жизни, не предполагают вытеснение национального самосознания европейцев неким «постнациональным космополитизмом». В первую очередь речь идет о формировании у жителей Евросоюза чувства «двойной» идентичности, сочетающего в себе одновременно ощущение принадлежности и к своей стране, и к Европе в целом.

Между тем значительная часть населения стран Евросоюза по-прежнему испытывает лишь чувство национальной идентичности. Так, английский исследователь Ральф Дарендорф считает, что «идея некой «европейской идентичности» пребывает в тумане. «Есть одна проблема, – пишет он, – может быть, более фундаментальная – это то, что европейская интеграция больше не воспламеняет воображение европейцев. Еще существуют евро-энтузиасты, но среди народов Европы превалирует безразличие, а в некоторых случаях даже тихая враждебность по отношении к идее европейской общности»[7].

Российский историк Григорий Вайнштейн, опираясь на результаты европейских социологических исследований, приводит интересные данные о соотношении «национальных» и «общеевропейских» чувств у жителей Евросоюза. Если в 1994 г. в среднем 33% опрошенных считали себя только гражданами своей страны, то к концу 2004 г. этот

показатель возрос только до 41%. Если же учитывать тех, кто считал себя одновременно и гражданами своей страны, и гражданами Европы, то в их сознании компонент «национальной идентичности» явно сохраняет доминирующее значение. В 2004 г. в среднем 47% опрошенных в 25 странах Евросоюза говорили о себе в первую очередь как о французах, немцах, итальянцах, испанцах и т.п. и лишь во вторую очередь – как о европейцах. Тех же, кто на первый план ставил общеевропейский компонент, насчитывалось около 7%. Преобладание национального компонента идентичности характерно было для жителей стран, которые недавно стали членами Евросоюза, но и для старых его членов это также свойственно. Например, для Франции, Германии, Италии, где в среднем 36% опрошенных рассматривают себя лишь в качестве граждан своей страны. В Великобритании этот показатель находится на уровне 55%.[8]

Одна из существенных проблем, которая явно проявляется в процессе формирования европейской идентичности, – это проблема ее неспособности завоевать сердца рядовых граждан Европы. Эта проблема хорошо прослеживается при анализе отношения европейцев к вопросу о выгоде европейской интеграции (в большей степени рассматривался экономический аспект). Проведенный в 2004 г. социологический опрос показал, что лишь 53% европейцев полагали в тот момент, что членство в ЕС принесло пользу их стране, тогда как 34% считали, что, напротив, оно нанесло вред[9]. Причем в большинстве своем именно жители «старых» членов Евросоюза признавали положительным фактом принадлежность их страны к ЕС. Например, 85% опрошенных в Люксембурге разделяли этот взгляд, точно так же как 70% респондентов в Ирландии, Голландии, Бельгии и Испании. Что же касается новых членов ЕС, видимо, еще достаточно рано для их жителей оценить последствия присоединения к ЕС. Это объясняет тот факт, что уровень «нейтральных» ответов был более высоким (40% опрошенных) в Латвии, Чехии, а также в Словении, Словакии и Польше. В Великобритании только 38% респондентов признали достоинством членство своей страны в ЕС[10]. Данные опроса жителей стран Евросоюза, осуществленного весной в 2008 г., свидетельствуют, что эти показатели остались практически без изменений – 56% опрошенных считали, что членство в ЕС принесло пользу их стране[11]. Рассматривая эти данные, необходимо иметь в виду, что в условиях экономического кризиса отношение рядовых граждан к идее европейской интеграции подвергается особому испытанию и, возможно, в большей степени носит эмоциональную окраску, чем является объективным отражением реальности.

Говоря о сложности процесса формирования европейской идентичности, необходимо учитывать и еще один важный момент – само понятие «европейская идентичность». Что значит быть европейцем? Это жители всех стран Европейского континента, в том числе таких, как Турция? Или это только жители стран Европейского союза? Показательно, что в официальных документах Европейской комиссии нет четко выраженного отношения к этому вопросу. Так, в Аналитическом докладе «Гражданство Европейского союза» (European Union Citizenship Analytical Report[12]), представленном в марте 2010 г. Европейском комиссией, отмечалось, что учреждение гражданства Европейского союза предполагает институционализацию его правового статуса с целью укрепления и усиления европейской идентичности, а также с тем, чтобы граждане Европы могли максимально участвовать в европейском интеграционном процессе. Но при этом в самом докладе речь в большей степени идет о гражданстве жителей стран-членов Европейского союза[13]. В таком случае что делать жителям стран, не являющимися членами ЕС? Например, Норвегии и Швейцарии?

Сложность определения сущности европейской общности с помощью политических или географических критериев выдвигает на первый план критерии культурно-цивилизационного и ценностного характера, предлагая обратить внимание на религиозные, культурные, политические традиции. Но и здесь не все просто. Насколько жители стран–членов ЕС понимают свое «ессовское гражданство»? В том же Аналитическом докладе приводятся данные, что хотя большинство граждан ЕС (79%) заявили о своем знакомстве с термином «гражданин Европейского союза», только 43% говорят, что они знают его значение, и 32% опрошенных из 27 стран ЕС хорошо информированы о своих правах как граж-

дан Европейского союза[14]. При этом более чем две трети (67%) респондентов считают, что они плохо или вообще не информированы о своих правах как граждане ЕС[15]. В связи с этим можно сделать вывод, что процесс формирования общеевропейской идентичности в политико-правовом поле в рамках Евросоюза будет достаточно сложным и продолжительным.

Может ли в таком случае выступать в качестве цементирующей платформы некая культурная общность европейцев? Спецификой общеевропейской культуры является ее многообразие и разнообразие. Суть многокультурья, как считает заместитель директора Института Европы РАН Ал. Громыко, состоит в признании возможности параллельного существования и взаимовыгодного взаимодействия этнических, многосоставных общин, представляющих не только разные культуры, но и различные цивилизации[16].

Необходимо отметить, что по инициативе Европейской комиссии предпринимаются многие шаги для формирования общего представления о европейском культурном пространстве. В частности, в 2000 г. отдельные мероприятия и программы («Ариан», «Рафаэль», «Калейдоскоп») были объединены в рамочную программу «Культура-2000») с бюджетом в 167 млн. евро. Ее целью являлось развитие творческой инициативы и культурных обменов, обеспечение широкого доступа к культурным ценностям, повышение уровня знаний европейских народов об истории и культуре друг друга, а также использование художественных средств для решения задач социально-экономического развития. Программа действовала до 2007 г.[17].

2008 г. был объявлен в ЕС «Европейским годом межкультурного диалога». Его идея состояла в том, чтобы улучшить взаимное восприятие культурных традиций и ценностей народов Европы и таким образом укрепить взаимопонимание между ними. Бюджет акции составил 10 млн. евро[18].

Многие сторонники идеи европейской идентичности видят в культурном плюрализме континента достоинство и одну из отличительных особенностей европейской культуры – «единство и многообразие». Они подчеркивают приверженность европейцев к таким общим гуманитарным ценностям, как свобода, уважение прав индивида, верховенство закона, терпимость, социальная справедливость. Но при этом, как отмечает Григорий Вайнштейн, сторонники европейской идентичности «недооценивают определенный дезинтеграционный потенциал, заключенный в сегодняшнем культурном ландшафте Европы»[19].

Во-первых, общеевропейская идентичность размывается сохраняющимися национальными идентичностями, которые опираются на национальный исторический опыт отдельных стран, на их культурные традиции и ценности. Во-вторых, по мнению Г. Вайнштейна, «культурное многообразие Европы все чаще оборачивается сегодня культурной несовместимостью, а в ряде случаев взаимной отчужденностью и неприязнью различных национальных и этнических групп в составе населения Евросоюза. Один из источников этой конфликтности – расширение числа входящих в ЕС государств»[20].

Опрос общественного мнения в 15 странах–членах ЕС, проведенный в 2000 г., показал, что 49% и 47% жителей соответственно Греции и Португалии склонны согласиться с утверждением, что существует некая европейская культурная идентичность. Эта точка зрения поддерживается также в Германии (43%) и Италии (42%). А вот в жители Финляндии (65%), Франции и Дании (оба 59%) не разделяют это мнение[21]. После расширения ЕС в 2004 г. его культурное единство стало еще более сомнительным. Вступление в него новых членов–государств Восточной Европы ведет не только к усилению культурного многообразия европейского сообщества, но и к определенному возрастанию внутренней конфликтности в европейском культурном пространстве, которая не может не отражаться негативным образом на процессе формирования общеевропейской идентичности[22]. Как замечает Григорий Вайнштейн, «вступление в Евросоюз новых государств воспринимается именно как одно из препятствий этому процессу значительной частью самого населения европейских стран». Ученый приводит данные проведенного в 12 стра-

нах Евросоюза опроса, согласно которому в среднем 55% населения этих стран полагают, «дальнейшее расширение Евросоюза сделает еще более трудным формирование общей европейской идентичности»[23].

Проблема языковой разобщенности населения Европейского континента также остается далеко не решенной. Как отмечал Ингмар Карлсон, в конце 1990-х гг. в среднем 66% граждан государств, которые на тот момент являлись членами Евросоюза, знали лишь один язык собственной страны и только 10% говорили, как минимум на двух языках. Например, в Ирландии 80% населения говорят на одном языке, только 3% – на двух, тогда как в Люксембурге 1% моноговорящих и 80% говорящих на двух иностранных языках[24]. В 2005 г. после вступления в состав ЕС новых членов-государств был проведен опрос среди жителей уже 25 стран, который показал следующую картину: 56% европейцев, жителей стран ЕС, могут общаться на еще одном иностранном языке помимо родного, 28% – на двух, 1 из 10 опрашиваемых способен вести разговор на трех языках. Но при этом 44% населения не знали ни одного другого языка, кроме родного. Если анализировать данные по странам, то картина со знанием языков представляется неоднозначной. Например, минимум на двух языках говорят 92% граждан в Люксембурге, 97% – в Словакии и 95% – в Латвии. На Британских островах этот показатель намного ниже – 38%, в Ирландии – 34%. Соответственно 41% итальянцев, 42% португальцев и 42% венгров владеют двумя иностранными языками[25]. Таким образом, в Великобритании, Ирландии, Италии, Португалии и Венгрии преобладающее большинство не знает другого иностранного языка, кроме своего родного. В целом языковая разобщенность может служить определенным препятствием образованию единой общеевропейской культурной идентичности. Хотя с другой стороны, нельзя забывать о том, что приверженность к своей национальной культуре служит важнейшим фактором определения самоидентификации.

Говоря о специфике культурно-ценностных компонентов европейской идентичности, можно также упомянуть о трудностях и проблемах включения в процесс ее формирования огромных масс неевропейского населения–эмигрантов, в первую очередь мусульман, которые являются гражданами европейских стран, но при этом сохраняют приверженность к своим национальным традициям, обычаям, духовным и культурным ценностям. Сегодня четко прослеживается тенденция, что в Европе набирают силу именно антимусульманские настроения, благодаря чему растет популярность консервативных или правых партий, выступающих в пользу ужесточения или прекращения иммиграции. На выборах европейцы в массовом порядке голосуют в пользу консервативных и националистических сил, обещающих вернуться к традиционному жизненному укладу. В результате парламентских выборов 2010 г. в Швеции впервые в парламенте получила мандаты Шведская правая радикальная демократическая партия, лидеры которой заявляют, что сегодня для Швеции наибольшую опасность представляет иммиграция мусульман.

Правые консервативные силы зафиксировали также значительные успехи в Нидерландах, где партия «Свобода» заняла третье место в парламенте, увеличив свои мандаты с 9 до 24. Лидер одержавшей победу на последних выборах в Великобритании Консервативной партии Дэйвид Камерон призывает ограничить иммиграцию. Марин Ле Пен, кандидат на пост президента Франции от Национального фронта, открыто заявляет, что «Франция является самой привлекательной страной ЕС, поток иммигрантов устремится именно к нам, и это будет грозить последствиями – конфликтами совместного житья, сосуществования. А люди уже с трудом уживаются». По ее мнению, «иммиграция в том виде, в каком она сейчас существует (во Франции – **Т.Г.**) – это сущий бред»[26]. Противостояние на этноконфессиональной почве является серьезнейшим препятствием для формирования единой европейской идентичности, приводит к разобщенности различных национальных групп внутри отдельно взятого европейского государства, с одной стороны, а с другой – создает пробле-

му получения консолидированной поддержки со стороны жителей стран–членов ЕС действиям руководства Союза по реализации основных принципов Общей политики безопасности и обороны.

На современном этапе подчас наблюдается картина, когда объединительным моментом для европейцев выступает противопоставление «неевропейскому миру», например, антиисламизм и антиамериканизм. Но эти «негативные составляющие» европейской идентичности вряд ли будут способствовать положительным тенденциям формирования единой общности европейских народов. И как заметил Ральф Дарендорф, внедрение антиамериканских настроений, пусть даже непреднамеренно, в европейское строительство может быть интеллектуально бесчестно, морально подозрительно и политически опасно для всех свободолюбивых европейцев[27].

Таким образом, процесс формирования некой общеевропейской идентичности представляется достаточно сложным, неоднозначным процессом, требующим успешного развития многих факторов, которые в своем многообразии создали бы благоприятные условия для единения европейцев на культурно-ценностном уровне. А это, в свою очередь, создавало бы благодатную почву для реализации Общей внешней политики и политики безопасности, которая по большей части является международным форумом, в рамках которого государства–члены ЕС согласовывают свои национальные внешнеполитические интересы. Решающее влияние на мировую политику сегодня оказывает не столько Брюссель, сколько согласованные решения наднациональных институтов и правительств стран–членов ЕС, опирающихся на собственные национальные идентичности.

[1] Орлова А. Национальное государство в наднациональных структурах: опыт Франции / Космополис. Зима 2007/2008. № 3(19). С. 65.

[2] Там же. С. 66.

[3] Кокшаров Н.В. «Современная национальная политика России»// http://credonew.ru/content/view/336/28/ (обращение 05.04.11)

[4] Ведрин Ю. Юбер Ведрин ответил на вопросы корреспондента РИА «Новости» в Париже Владимира Добровольского // http://www.globalaffairs.ru/numbers/89 (обращение 30.01.12).

[5] Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное //Полис, 2009. № 4. С. 123.

[6] Dahrendorf Ralf. Anti-Americanism and Europe's Identity / Copyright: Project Syndicate/ Institute for Human Sciences, February 2003. // http://www.project-syndicate.org/commentary/dahrendorf11/English (обращение 06.04.11).

[7] Ibid.

[8] Вайнштейн Г.И. Указ. соч. С. 124.

[9] Eurobarometer 62. Public Opinion in the European Union. 2004. October-November. Brussels. P. 71 // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb62/eb_62_en.pdf (обращение 06.04.11).

[10] Ibid. P. 68.

[11] Eurobarometer 69. Public Opinion in the European Union. 2008. May. Brussels. P.27 // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb69/eb_69_first_en.pdf (обращение 06.04.11).

[12] Eurobarometer. Flash EB No 294. European Union Citizenship Analytical Report. March. 2010 Brussels.// http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_294_en.pdf (обращение 06.04.11).

[13] Ibid. P. 4.

[14] Ibid. P. 5.

[15] Ibid. P. 12.

[16] Громыко А. Устоит ли новый Вавилон? (Проблемы межцивилизационной интеграции Европы) //Современная Европа. 2010. № 1. С. 21.

[17] Европейская интеграция / Под ред.О. Буториной. М.: Издательский Дом «Деловая литература, 2011. С. 393.

[18] Там же.

[19] Вайнштейн Г.И. Указ. соч. С. 129.

[20] Там же.

[21] Eurobarometer 52. Public Opinion in the European Union. 2000. April. Brussels. P. 11.// http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb52/eb52_en.pdf (обращение 08.04.11).

[22] Вайнштейн Г.И. Указ. соч. С. 129.

[23] Там же.

[24] Karlsson I. How to define the European identity today and in the future? //Reflections on European Identity. Ed. by Th. Jansen. European Commission. Working Paper. Brussels. 1999. P. 68.// http://www.pedz.uni-mannheim.de/daten/edz-mr/pbs/00/european_identity_en.pdf (обращение 08.04.11).

[25] Special Eurobarometer 243. «Europeans and their Languages» November-December 2005. Brussels. P. 8.// http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_243_en.pdf (обращение 08.04.11)

[26] Бушелл Д., Марин Ле Пен: Во Франции демократии нет!//http://inosmi.ru/video/20110610/170519924.html

[27] Dahrendorf R. Op. cit.